

ЮРМАНОРИЙ

БРАТЯ С ИНОЙ ЗЕМЛИ

Гилен Волков

Гилен Волков

Юрманорий: братья с иной земли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73181878

SelfPub; 2026

Аннотация

Этот мир будет странен для вас, читатели. Это мир отличный от нашего, мир с другими смыслами и реалиями. Хаос и жестокая жажда крови поглотили людей. Совсем немногие сумели найти выход для того, чтобы переждать гнусную бойню, воспользовавшись невероятными машинами для замедления собственной жизни. Но пришёл час расплаты, и люди вновь ступили на свою некогда убитую землю. Мир было не узнать. Выходило и так, что вымирали целые виды разумных существ. Доминантами в мире стали четыре народа. Сукары, жуки, дарки и ящеры. У каждой расы был свой путь прихода к правлению выданного им кусочка мира. Но оставим их кошмарные трения в прошлом. Ящерам не повезло. Четыре расы заключили вечное единство, однако это не помешало сукарам, жукам и даркам объединиться против столь сильного противника, устроив настоящий геноцид.

Причин этому зверству было не слишком достаточно. Но это уже неважно. Осталось три расы.

Достоверно известно было о выживании лишь одного ящера.
Его звали Норман...

Содержание

От автора	5
Его звали Норман	6
Наёмный убийца	10
Лор Норы	27
Засада угнетённых	36
Омельман	49
День Нормана	65
Объект	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Гилен Волков Юрманорий: братья с иной земли

От автора

Всё изложенное в романе является плодом авторской фантазии. Даже если вы обнаружите в нём предметы, что зеркалят реальные проблемы и устройства нашего мира, они, без тени сомнения, направлены исключительно на поучение.

В романе присутствуют моменты, которые может не одобрить читатель, но (поверьте) в мире, где разворачивается сюжет, это вполне обыденно.

Приятного чтения!

P.S. Роман был написан и является интеллектуальной собственностью гражданина РФ Волкова Кирилла Антоновича 04.04.2006 года рождения. На момент написания произведения автору было 13 лет, на момент финальной правки – 15.

Его звали Норман

Как всегда, он был великолепен. Взгляд. Страх. Боль... Смерть? Несчастливая жертва умоляла его о пощаде, но это лишь замедлило и без того неминуемую агонию. Страдалец видел только пять искр, по-особому засверкавших при свете полумесяца той холодной лесной ночи. Его голова, как шар, покатилась по луже крови. Ящер ушёл, не сказав ни слова. Он не забыл взять с собой этот кровавый и беспомощный шарик, который и при жизни ничем особенным не отличался.

Со стороны он казался обычным путником, скрывшимся под капюшоном от чужих лиц и сильных ветров. Но глаза! Глаза его сверкали, как два зелёных огонька. Два огонька, что мог заметить каждый, но взглянуть в них не осмелился бы и пьяный дурак. Он шёл без всякой запинки. На плечах ящера тяготилась его любимая сумка-спорран, вся измазанная кровавыми пятнами. Его грубые и сильные руки были спрятаны под плащом, но всё же можно было умудриться разглядеть крупное серебряное кольцо на одном из пальцев.

Этот мир будет странен для вас, читатели. Это мир отличный от нашего, мир с другими смыслами и реалиями. Человечество стало настолько безответственным, что даже не предполагало начала беды. Хаос и жестокая жажда кро-

ви поглотили людей. Совсем немногие сумели найти выход для того, чтобы переждать гнусную бойню, воспользовавшись невероятными машинами для замедления собственной жизни. Но пришёл час расплаты, и люди вновь ступили на свою некогда убитую землю. Мир было не узнать.

Многочисленные выбросы и радиация от взорванных ядерных объектов увеличили рост деревьев и живых существ, что привело к ужасным мутациям. Люди через тысячи лет в этом жестоком мире приспособились к нему. Человек вернулся к тому, что мы называем Средневековьем – к грязи с болезнями. Мир прежний был позабыт на века, всё началось заново.

Малая часть прежних названий сохранила лишь часть себя, а остальные и вовсе навсегда исчезли. Время изменило и человека. Разные люди выходили из машин в разных частях мира, с разным климатом и условиями для выживания. Так появились расы, что вели войны за царствование между собой.

Выходило и так, что вымирали целые виды разумных существ. Доминантами в мире стали четыре народа. Сукары, жуки, дарки и ящеры. У каждой расы был свой путь прихода к правлению выданного им кусочка мира. Кто-то пришёл к нему дорогой крови и войн, а у кого-то и вовсе не было конкурентов. Но оставим их кошмарные трения в прошлом.

Сукары – те, что и начали абсурдное устройство мира с единством четырёх народов и ликвидацией более мелких, –

никогда не могли пожаловаться нехваткой чего бы то ни было. Их земли охватили огромные просторы самого плодородного континента этого мира. Назвать сукаров одной расой сложно, так как это общее название для всех жителей их территорий. Они обрастали шерстью и походили на псов и шакалов, лысели и обзаводились поросячьим пятакom, становясь свиньями... Именно сукары и построили почти всю культуру этого мира.

Жуки – раса противоречивая. На самой заре они поделились на два народа. Один, крайне честолюбивый и более-менее цивилизованный, почти сразу же начал вражду с другим, неотёсанным и грубым. За всё время их вражды когда-то единый народ стал слишком контрастным, а дикие жуки стали рабами тех, что обзавелись связями с сукарами, очень кстати приплывшими издалека. И не столько этот факт добавляет противоречие, как тот, что из беднейшей нации они благодаря безумному риску стали богачейшими. Но не об этом...

Дарки носят много имён. Их называют тёмными, странниками и блуждающими. Надо ли говорить, что не только из-за специфической смолисто-чёрной внешности? Дарки, весьма буйный народ (что, кстати, вина сукаров, долгое время угнетавших их), слыли редкостными безумцами. Конечно, нельзя сказать, что это общий признак всех представителей расы, но нельзя и отрицать, что они выделяются этим много больше других народов.

Ящеры – это существа с острыми челюстями и острыми когтями, тело их покрыто чешуёй. Голова приобрела полу-крокодилию форму, ведь так было удобнее добывать съестное. Они обитали на отколовшемся дальнем острове с уникальным суровым климатом, где опаснее всего выжить из-за жуткого холода. Из-за дальности их расселения ящеры стали для других дикими племенами – кровожадными, но справедливыми.

Об этом чудном народце можно рассказывать очень много, но смысла в этом уже никакого. Ящерам не повезло. Четыре расы заключили вечное единство, однако это не помешало сукарам, жукам и даркам объединиться против столь сильного противника, устроив настоящий геноцид.

Причин этому зверству было не слишком достаточно. Но это уже неважно. Осталось три расы.

Достоверно известно было о выживании лишь одного ящера. *Его звали Норман...*

Глава первая. Д
рагрард

Наёмный убийца

Норман Монгер уверенно направлялся в свой родной городок. За плечами у ящера был заказной товар, за который его коллега должен был отдать не менее двухсот саплингов.

Драгрард – неприятный и грязный городишко. Его населяла одна с лишним тысяча душ, принадлежащая к самым разным народам. Улицы Драграрда были наполнены лавками со всякой всячиной, тавернами и домами из дубов, сосен и (что самое странное) таких редких деревьев, как бугшуги. Городок в своём нынешнем виде стоит на этом месте три сотни лет, а потому является любимым местом для купцов и торгашей с товарами от заурядной мочи свингосвара до драгоценных перьев занберда. Свингосвары, подобие наших свиней, древнейшая фантазия вышедших из долгого сна людей о прошлом мире, разгуливают, толпясь, по дорогам. Свингосвар, преградивший дорогу телеге, сразу пускался на мясо. Справедливости в этом было уйма, но градодержцу все уши прожужжали своими жалобами. Теперь ты если, якобы, убил свингосвара, будь добр плати тридцать саплингов. А так жизнь нормальная...

Норман подошёл к таверне «Прах каруката». Там его ждал Рэт, хозяин, раздающий выпивку. Рэт, чистокровный сукар, походил на двуногого тигра. Его тело, одетое в серую рубаху и никогда не стиранные порты, всё было покрыто роскош-

ным рыже-чёрным мехом. Его ромбовидное лицо всегда было абсолютно спокойно.

Ящер показался в дверном проёме, и полная шума таверна вдруг замолкла. Норман направился к Рэту, стоящему за прилавком. Никто из присутствующих не смотрел на изумрудно-зелёного ящера, только кое-где перешёптывались сукары.

Хозяин поправил свои лохмотья и заговорил уверенным тоном:

– Друг мой, Норман! – всё внимание Рэта было направлено на гостя, – Не ожидал увидеть тебя так рано.

– Здравствуй, Рэт, – в голосе Нормана едва прослеживалось раздражение, – вижу, у тебя новые посетители. Весьма громкие, скажу я тебе.

Едва ящер произнёс слово, даже пошёптывания и шорох прекратились. Норман часто сталкивался с подобным непониманием от приезжих в Драгрард, что никогда не видели подобного существа. Слух Нормана был острее любого в Общине. Эти, а также некоторые другие факторы, повлияли на любовь ящера к полной тишине.

– На днях, Норм, приходил сюда твой отец. – держал в курсе Рэт, – Адро решил, так скажем, проверить, всё ли нормально. Но мы ведь знаем, что причиной тому было нечто другое.

– Ты прав, Рэт, – согласился Норман.

– Тебе как обычно?

– Да.

Хозяин налил Норману голубую, приятную на вид, жидкость.

– Как обычно, лучшая моча свингосвара для тебя.

Норман выпил и продолжил разговор:

– Ты ведь знаешь, что отец может выбить тебя из игры.

– Наслышан о великом убийце ящеров.

Норман выпил ещё. Рэт вдруг что-то вспомнил:

– Ты принёс?

– Конечно.

Ящер вытащил из сумки за волосы тёмно-синюю голову дарка и положил её на прилавок. Даже вздохи сидящих умолкли при её виде. Кто-то тихонько вышел из таверны. Рэт посмотрел на эту жалкую вещь и полез в карман:

– Как и договаривались, две сотни саплингов.

Бронзовые монеты покатались по столу.

– А теперь, прошу, убери эту мерзость. – Рэт приоткрыл окно, чтобы выветрить исходящий от головы душок. – Мне ни к чему распугивать посетителей.

– С тобой приятно иметь дело! – закрепил Норман.

Из-за стола в самом конце таверны встал жук, в широко раскрытых, пьяных и мутных глазах которого не прослеживалось ничего кроме глупого вызова. Товарищи пьяного, такие же мутноглазые жучки, отговаривали его от этого неразумного поступка. Толку в этом было мало, и уже через мгновение жук встал перед носом Нормана.

– Слышь, ты... – жук начал думать, как обратиться к столь необычному собеседнику, – лягушка... Ты думаешь, что можешь вот так прийти сюда и...

Должно быть, он не увидел меча или чего-то острого и опасного, что придало ему наглости. Но жук не знал, что ящерам не нужен меч, чтобы убивать. Норман, продолжая сидеть, выставил на обозрение свои острые когти свободной руки (второй он держал кружку). Жук увидел лишь искры, а затем из его горла струёй пошла бледно-красная кровь.

Норман со спокойнейшим видом продолжил пить. Никто не возразил на этот аргумент.

Голова убитого дарка принадлежала воришке, что позависимствовал у Рэта тысячу саплингов. С долгами в Драграрде шутки плохи.

Норм стоял у большого каменного дома с прекрасной крышей, черепица которой была из очень дальних краёв. Это был дом градодержца Драграрда, сукара Адро, сводного отца Нормана. Здесь ящер и вырос.

Адро, представитель весьма уважаемого рода Монгеров, был генералом в отставке. Этот сукар (уже на склоне лет) давно обзавёлся сединой, покрывшей не только его собачью морду, но и почти всё тело. Говорили, что когда-то градодержец весь был черен, как ночное небо, а его первые седые волосы называли звёздами. Сейчас уже мало что осталось от

былого величия, но худого, как старого пса, Адро не перестали уважать и бояться. Два его белых глаза горели холодным огнём. Одет главарь был по-царски, в красно-золотую мантию. На его правой руке красовался огромный шрам от когтей ящера, оставшийся после войны.

– Здравствуй, Норман, – сухо приветствовал Адро.

– Здравствуй, отец, – отвечал Норм.

– Ты помнишь, что я тебе говорил о заказах простолюдинов?

– Уже давно не видели ни *краснорогих*, ни *змееводных*, даже почти все *птахи* Кристального леса истреблены, а мне нужно жить хоть на какие-то деньги, отец.

– Здесь ты ошибаешься, – на лице градодержца промелькнула кривая улыбка.

– Деньги нужны всем, без них никак.

– Согласен, но пока ты гонялся за этим *дарком*, поступила интересная информация.

– Кто-то был замечен? – удивился Норман, стоя напротив сидящего Адро.

– Именно. В северной части Кристального леса бедняки видели *змееводного*.

– Сколько ты мне заплатишь за его голову?

– Сотню саплингов. – Адро немного поразмышлял. – Но голова мне не нужна, Норман. Просто дай знать, что задание выполнено.

– Не думаешь, что сотня – мало? Дай мне хоть полторы.

– Вздумал торговаться? Сотню и десяток.

– Сотню и сорок?

– Сотню и три десятка, не больше.

– По рукам.

Норман развернулся и вышел из почивальни отца.

.

– Куда на этот раз? – спросил Рэт, к которому Норман зашёл по дороге, – Кристальный лес уже не может вместить в себя ещё одну *птаху*.

– Кристальный лес ещё не исчерпал себя. – заметил Норм, делая последний глоток. – В нём таится больше чертей, чем во всех морях и океанах.

– Восточная часть, я полагаю?

– Нет, северная.

– Желаю удачи, и да не умереть тебе от копыт хуна!

– Дикие звери не опасней меня, Рэт.

.

Норман стоял на границе одного из самых древних и разнообразных лесов мира. Границей этой была река с «отравленной» морем водой. Норман знал, что солёная вода обладает чарами не насыщать, а вызывать ещё большую жажду. Ох, река Сара, немало отравила ты путешественников своими водами!

Ящер перешёл через мост. Перед ним возникла невероятных размеров стена деревьев. Теперь он был на чеку.

Он слышал каждый шорох листьев и шёпот ветра. Было тихо.

Норман оставлял когтями зарубки на деревьях, чтобы не потеряться. Каждый раз он придумывал новую зарубку, чтобы различать путь среди других. Это было одним из любимых дел Нормана.

Всё детство учился он убивать, а после всю жизнь убивал. Адро, как уважаемого генерала, поставили градодержцем в Драгрард, чтобы он следил за Кристальным лесом. Участь эта незавидна, но произошло это, отчасти, и из-за того, что он усыновил ящера. Адро рассказывал – когда его люди убили родителей Нормана, он проявил милосердие и дал клятву защищать малыша. Верхушке власти, что и устроила резню ящеров, это не слишком понравилось, поэтому, увы, только Драгрард.

Война против изгнанных видов продолжалась и по сей день. Главные жуки, дарки и сукары поддерживали идею вырастить столь опасное существо, как Норман, лишь при условии использования его против угнетённых. В чём выгода? Да хотя бы в том, что ему меч не нужен.

Так Норман и шёл, держа курс на север. Его движения были настолько тихими и незаметными, что он заставлял врасплох даже птиц. И вдруг Норман услышал голоса и шум шагов.

В пятнадцати метрах от него проводили обряд шесть дарков-кроводаров. Раньше люди называли бы их сатанистами,

но дикий мир, в котором жил Норман, давно не верит никаким людским мифам, и у этих безумцев свои демоны для поклонения. Норм внимательно следил за каждым их действием. Они пели гортанные песни и ходили вокруг зарезанного свингосвара. А затем их главарь начал резать горла своим подопечным. Каждый из них перед смертью выкрикивал фразу «Слава Аворадо!». Норман терпеливо ждал, пока останется лишь один для допроса.

Все, кроме главного, уже бездвижно лежали на земле. Норм подбежал и столкнул с ног последнего тёмно-красного кроводара.

– Что за?!

– Заткнись! – сказал ящер, прислонив дарка к земле. – Что ты делал?

– Это не твоё дело, ящер из Драграрда!

– Дерзишь мне? Говори, ты видел здесь неподалёку *змееводного*?

– Нет, если бы...

– Почему замолчал?

– Я скажу всё, что знаю, за обещание.

– Что тебе нужно?

– Ты сам убьёшь меня перед всевидящим ликом моего господина, а затем сожжёшь все трупы. Аворадо заслуживает пару глотков крови, но нельзя, чтобы он проникал в наш мир через тела умерших здесь.

– Я сделаю, что ты желаешь. – пообещал Норман, – Рас-

сказывай, что знаешь?

– Ты оказал мне великую услугу, – засмеялся безумец, – спасибо! Спасибо тебе!

– Молчи, тварь! – остановил его Норман, – Расскажи всё, что знаешь о *змееводном*, и я исполню твою просьбу быстрее, чем ты того заслуживаешь.

Кроводар подавил очередной смешок.

– Я с другими странниками пришёл в лес с западной стороны и ближе к опушке увидели мы избу посреди деревьев. Там горел свет. Больше я ничего не знаю.

Норман никогда не думал, что в Кристальном лесу может кто-то поселиться. Не солгал ли этот безумец? Смущала одна деталь: Норм обошёл весь лес, но не был только в одной части – на северо-западе. Туда он и решил направиться. Но сначала обещание...

– Благодарю тебя, кроводар. Я выполню часть сделки.

Странник встал посреди начерченного круга с разными символами и протянул руки к земле. Норман выставил коготь. Одним махом и фразой «Слава Аворадо!» ритуал был почти завершён. Норм разжёг огонь и подложил к нему тела. Потянуло вонючим дымом... Дальше всё произошло само.

Норман шёл осторожным шагом к неизведанной части леса, пока не увидел следы, непохожие на обычные лапы животных. Норму они показались знакомыми. Но разве *змее-*

водные не передвигаются по рекам? Это странно.

Ящер стал идти тише. Змей мог быть неподалёку. На всякий случай Норман выставил когти. Внезапно цепочка следов оборвалась на границе с густыми зарослями. Норман пошёл к кустам и увидел зверя. Это был *хун*. Огромный лохматый зверь с копытами, бивнем и острыми зубами. Он поёдал свою жертву, громко чавкая, брызгая по сторонам кровавой слюной. С запоздалым сожалением Норман подумал, что зверь опередил его. Не с проста же следы прерываются! Как можно было не предусмотреть такой поворот событий?

Норману оставалось незаметно проскользнуть мимо хуна, но вдруг зверь выскочил из-под опавших листьев и вперил взгляд своих маленьких хищных глаз на ящера.

Норм приготовился к предстоящей атаке. Он уже несколько раз сражался с *хунами*, и всегда, как можно догадаться, оставался в выигрыше. Но этот зверь был огромен для своего вида. Думать времени не было. Либо он вступит в драку, либо умрёт, а умирать Норм не хотел.

Зверь помчался навстречу Норману, но ящер успел увернуться и прыгнуть ему на спину, ухватившись за бивень. Хун яростно сопротивлялся. Норман с таким ещё не сталкивался, зверь с каждой атакой не уставал, а словно становился ещё сильнее! Норман вонзил когти в шкуру чудовища. Тот дико зарычал в ответ, дёрнувшись в агонии, а затем скинул Норму на землю. Ящер упал на спину, и это было ужасно больно! На секунду у него потемнело в глазах. Дышать стало

труднее, но нужно было продолжать битву.

Умрёт либо Норм, либо хун. Ящер с трудом поднялся на ноги и направился к истекающему кровью зверю. Хун уже ждал его, он с диким воем бросился на ящера. Норман увернулся от удара и вонзил коготь чудовищу прямо в глаз.

Для хуна удар был фатален. Он дико взвизгнул и со стонами и воем упал за деревьями.

Норман только сейчас заметил, что истекает кровью. Зверь всё-таки задел его. Содранная зелёно-красная чешуя висела клочьями на бедре, к тому же у ящера ужасно болел позвоночник – бросок о землю был сильным, ничего не скажешь! В глазах начало темнеть...

«Что это я вижу?» – всплыло в сознании. Силуэт... Был виден только чей-то силуэт.

– Где я?..

– Ты у меня дома.

Норман лежал на кровати, забинтованный полосками ткани по самую грудь. За окном была ночь, и комнату освещала тусклая свеча. За столом сидело существо, возившееся с едой на тарелке.

Создание было странное, таких Норм ещё не видывал. Жёлто-коричневая чешуя и излишне вытянутая голова – явный урод. Ступни соответствовали следам, что заметил Норман в лесу. На нём были самые обычные лохмотья. Норму

он казался чем-то ужасно запредельным, но, в то же время, очень близким. Нет слов, которые могли бы точно описать его необычную внешность, но что-то в нём также казалось знакомым.

Внезапно Нормана осенило. Это был такой же ящер, как он...

Хозяин дома вдруг заговорил:

– Здравствуй, друг мой. Согласись, я очень похож на тебя. Уже понял, почему?

У Нормана дико болела челюсть, а увиденное заставило потерять дар речи, но он всё же смог выдавить из своих уст короткое:

– Я думал, что я последний, а нас двое...

– О нет, друг мой, нас трое.

– Кто...?

– Мой сын.

Норман оторвал взгляд от ящера и начал глазами искать кого-то ещё. Он натолкнулся на колыбель, в которой лежало нечто совсем маленькое и страшное.

– Меня послали убить змееводного, но я никак не мог представить, что найду ящера, – произнёс Норм.

– Да, понимаю тебя... – вздохнул ящер. – Когда я нашёл Дору, меня переполняли такие же чувства.

Норман понял, что речь идёт о его жене, которая, по всей видимости, канула в небытие.

– Я знаю тебя. – продолжал хозяин. – Ты тот самый убийца

угнетённых, сводный сын того урода Адро Монгера?

– Дал бы мне умереть, если бы хотел мести.

– Это глупо, меня могут найти. У меня остаётся два выбора: дожидаться твоего исцеления, а после отпустить на все четыре стороны, или попытаться сделать так, чтобы ты умолял своё пребывание в моём доме. Всё-таки, я мог и оставить тебя там, посреди леса, истекающего кровью, а сам бы продолжил себе жить и растить сына. Поэтому, я надеюсь, ты выполнишь мою просьбу, Норман?

– Чего ты хочешь?

– Когда ты сможешь уйти, пожалуйста, забудь эти дни, забудь всё, что видел, и больше никогда не возвращайся в эту часть леса.

Наступила томительная пауза. Из другого угла избы слышалось сопение младенца.

– Я согласен. – подытожил Норман. – Будь спокоен...

– Солан. Моё имя Солан.

– Будь спокоен, Солан, я выполню обещание.

Последовало общее облегчение.

– Будешь рагу из кромина? – спросил Солан.

.

Всем известно, что для ящеров день равняется трём суткам. Их время тянется намного дольше, что заставляет их не только переживать за жизнь больше времени, но и проживать куда больше лет. Как бы то ни было, спустя свои три

дня (один людской) Норман с Соланом отправились на охоту. Норм не чувствовал себя тяжело больным, потому спустя время мог уже и ходить, и рубить дрова, и прогуливаться в окрестностях Солана, собирая хворост.

В этот день Солан настоял, что Норману нужно самому прочувствовать вкус абсолютно свободной жизни. Жизни, не заикленной на заданиях Адро и выпивке Рэта. Нормана лишь немного смутило, что Солан может просто так оставить избу и сына в ней одних посреди жуткого леса, в котором обитает всякая нечисть и безумцы разной величины. Хозяин ответил однозначно, утверждая, что, если Богам будет угодно, Они не оставят его сына одного.

Солан, как и думал Норм, был очень похож на него. Ящер всё так же пробирался по зарослям леса, пытаясь вынюхать дичь. Когда Солан слышал внезапные шорохи, он тут же выставлял когти. Только одно отличало ящера от Нормана – он помнил старый мир. Мир, когда ящеров было много, и они жили на отведённой им земле. Мир, где было четыре народа, а не три. Солан рассказывал об этом дивном мире, а Норман слушал, вникая в каждое слово.

Так продолжалось до того момента, пока ящеры вдруг не учуяли запах гари, не свойственный для этого дождливого сезона. Оказалось, они дошли до места, где проводился обряд кроводаров. И, несмотря на всё великодушие, проявленное Соланом, Норман помнил, что должен сделать что-то важное! То, что где-то глубоко засело в его голове, то, о чём

он забыл... Но что же это? А... вспомнил! Ему нужна была голова Солана для отца. Норман тихонько вздохнул и ухмыльнулся. Он убийца, что бы этот змей не говорил ему о старых временах.

Этот момент Норман выжидал очень давно. Ящеры подошли к кругу кроводаров.

– Эти кроводары поклоняются и повинуются не ложным демонам, как многие думают. – пояснил Солан, заметивший круг. – Они настоящие, я сам их видел!

– Огонь поглотил этих сумасшедших. – ответил Норман. – Не думаю, что они кого-то ещё раз увидят. Это я их сжёг.

– Ты сжёг их по воле своей или договорился с ними?

– По их воле. Они поклоняются некому Аворадо.

– Все ему поклоняются. И живые на Земле-Мидгард и мёртвые на Земле-Абрак. Этот всемогущий демон принёс в наш мир все беды и всё зло, за это живые заточили его в Абраке. С тех пор он жаждет выбраться оттуда. Ты не знал этого?

– Мне, как и другим, дали веру в священную богиню Нору. Я не знаком с верой ящеров.

«ВОТ ОН МОМЕНТ, НОРМАН, УБЕЙ ЕГО!» – взорвалось вдруг у Нормана в голове. В глазах потемнело. В голове раздался удар от молнии. – *«Убей быстро, и тогда мы сразу вернёмся домой. Убей!»*

– Нужно стереть круг, – начал Солан, – иначе...

Норман пригнулся и, напрыгнув на ящера, молниеносно

воткнул в его тело когти. Солан развернулся и, молча взирая на льющуюся из груди кровь, посмотрел прямо в изумрудные глаза Нормана. Глаза Солана говорили всё, чего нельзя было сказать языком. Норму стало жаль собрата, которого он только что лишился. Солан упал на колени. Из его рта потекла кровь, и он произнёс:

– Позаботься о моём сыне... Его имя – Юр...

И он умер. Для Нормана этого было достаточно. Он и так сделал то, за чем его послал отец. Сын Солана был жив. Он предоставит его отцу в качестве доказательства. Возможно, он воспитает его, как Нормана, а возможно убьёт. Не Норму решать.

Ящер вернулся в избу и направился к кроватке сына Солана. Тот громко плакал, чувствуя беду. Вздохнув, Норман вытащил ребёнка из колыбели и запихнул в заплечный мешок, оставив дырку для воздуха. Путь предстоял неблизкий, а младенец не должен был пострадать.

Когда ящер вышел, начался дождь, потихоньку перешедший в ливень. Тропы размыло. Младенец ревел. Норман пробирался сквозь заросли Кристального леса.

– Этот ребёнок будет твоим братом, Норман. – в глазах Адро прослеживалась искра азарта, он улыбался от уха до уха. – Молодец, что оставил его в живых... Как его звали?

– Его имя начинается на «юр», остальное Солан не успел договорить.

– Его мать?

– Умерла.

– Нарекаю твоего брата Юрманом.

– Имя для воина, отец.

– Года через три, думаю, он станет не хуже тебя, – продолжал улыбаться Адро. – Как известно, вы, ящеры быстро растёте и поздно умираете, для вас странно течёт время. Ну, посмотрим, что из него вырастет.

Рэт налил ящеру, так неожиданно заглянувшему к нему поздно вечером, целую кружку тёмной пенистой свингосва-
рины.

– Как прошло? – спросил хозяин таверны, предвкушая длинный рассказ.

– Заработал шрам, сотню да три десятка саплингов. Ну, и брата, – сказал Норман, усмехаясь.

Была глубокая ночь, небо освещал огромный жёлтый диск луны этого мира. Тёмные деревья высились вокруг места кровавого побоища, что-то зловеще трещало в кустах, но вдруг затихло. Мёртвый Солан лежал посреди круга кроводаров. Внезапно его глаза раскрылись, и мертвец встал.

Аворато вернулся на эту бrenную землю.

Лор Норы

После слегка нашумевшего инцидента с Соланом прошло около полутора человеческих года.

День был дождлив, а потому боевые тренировки для Юрмана не могли продолжаться. Приёмыш подавал хорошие надежды для Адро. Ребёнок рос, словно был из какой-то сказки. По законам течения времени ящеров (а именно, для них один день – это трое суток) Юрман быстро подрос, и сейчас на вид ему было лет шесть. Норман же за это время несколько не постарел. Разумеется, ни один мудрец, как тот ни старался, так и не смог объяснить такой странный цикл жизни ящеров. Даже в девяносто лет ящер выглядел бы, как будто ему всего тридцать, а по его меркам ему могло бы быть около двухсот семидесяти.

Адро, за плечами которого уже был один выращенный ящер, не имел сомнений, что хотя бы базовый интеллект не помешает убийце. Уже не в первый раз он давал указание драгардскому грамотею и хронисту дать подобные уроки Юрману. У градодержца были довольно серьёзные планы на этого мальчишку.

– Юноша, положите туда, откуда взяли. – грозно повелел Юрману старый Охен, указывая на переливающийся камень в его руках.

Юрман послушно повиновался. Мудрец достал тяжёлую

книгу из кармана и со вздохом положил её на стол.

– Садись. – сказал Охен. – Читать умеешь?

Это был весьма занятный вопрос от того, кто научил Юрмана читать.

– Да... – робким голосом ответил мальчик.

– Ну, так читай. Когда закончишь, скажешь мне. Я буду там, в своём кабинете. – Охен показал на дверь, ведущую к резкому оврагу, куда бросали чумные трупы.

По-стариковски ворча что-то о подрастающем поколении глупцов, старик вышел и хлопнул дверью. Стало очень тихо.

Охен действительно был чрезмерно ворчлив. Этот старый *жу*к никогда не питал интереса к кому-то, кто был бы ниже его по положению.

Черты лица мудреца, давно стёртые временем, едва выдавали его глаза, блёклые и прикрытые старческими красноватыми веками без ресниц. Цвет кожи *жу*ка был пепельно-серым, а телосложение катастрофически худым. Правая рука Охена и вовсе отсутствовала, тот, правда, никому не рассказывал, куда она подевалась. За это он получил прозвище «Охен-две-клешни», но дети называли его проще – «Однорукий». У Нормана до сих пор осталась привычка так его называть, за что он, конечно, получал неодобрительные взгляды и ненависть от этого странного старика.

Юрман открыл книгу и начал всматриваться в большие буквы, созданные специально для детей. Чтение увлекло его. Юрму казалось, что он читает целый лор. Лор Норы...

«Наш мир, – читал Юрман. – это гигантский край с дальними, прекрасными видами и мёртвыми, опасными лесами. Эту землю называют *Нóрой*, либо Мидгардом. Старые книги гласят, что раньше здесь жили жуткие существа, постепенно разрушающие свой мир. Они за это поплатились, но успели отравить многие земли. Так появились такие места, как *Леса Погибели*, *Север Ледового края*, *Мёртвый остров* и *Земля Льда и Монстров*. В этих местах обитают страшные существа. Воздух там зловонный, а вода в реках и озёрах отравленная. Лишь двое смогли выжить в таком месте, как Леса Погибели. Это был Хитрый Сázер и его оруженосец Дод. И то эти двое погибли спустя несколько дней после возвращения, ведь были отравлены воздухом тех мест. В честь Сазера была назван залив рядом с этим лесом, а в честь Дода – самая большая река во всех мёртвых землях.

Есть на Норе и свои общепринятые Боги. Считается, что главная Богиня – это сама Нора, грозная создательница этого мира. Временами она бывает мила и благосклонна и тогда случаются невероятные союзы между Богиней и простыми смертными. Однажды она полюбила одного такого. Он был грешен, но всё же для богини оставался любимым. Его звали Олár, именем которого впоследствии назвали озеро в Лесах Погибели и целый океан на мёртвых окраинах. Олар был разрушителем своего мира, его душа была темна, как ночь. Как-

то этот грешник приблизился к Норе и воткнул ей кинжал прямо в сердце. За что? Кто знает! Нора была зла, очень зла на него. Но не могла его погубить, слишком любила его. Её брат, титан Дон, видя, как его Сестра умирает, не мог допустить гибели мира. Он настиг Олара, когда тот почти праздновал свою победу над самой Богиней. Грешник был убит, но Норе, к несчастью, был нанесён слишком страшный удар. Она оправилась от него только через тысячи лет – тогда и появились норийцы.

Сейчас среди нас, *НО-РИЙ-ЦЕВ*, есть *многие* расы. *Дарки*, *сукары* и *жуки*. Были и другие, но их настигла *кара*, теперь их *НЕТ*.

На Норе есть пять огромных земель, которые разделяет вода. Но, несмотря на просторный выбор, всего четыре страны. Страна дарков – *Дóрмерес*, страна сукаров – *Хура́н*, страна жуков – *Бéглэнд*, а также замолвим словечко о великих краях – *Общине*. Община делится на две части, названных, как и одноимённые континенты: *Вилинёр* и *Салаза́р*. Хуран вместе с Дормересом находятся на одной земле. А Бегленд на куске Вилинера и на своей жучьей земле с Мёртвым островом.

В территории Дормереса входит остров *Рёсмер*, а в Хуран – два из двух островов *Хуа́кина*. Так случилось, что когда-то мы, норийцы, знали больше островов, но карты их были утеряны, а в плаванья за новыми открытиями уже давно никто не отправлялся.

Салазар – это самая маленькая земля. Когда-то здесь жили ужасные ящеры, но теперь здесь вторая часть Общины, так как это *хорошо*. Предания гласят, что Салазар был раньше частью континента Бегленда, но откололся от него. После сего здесь остался довольно необычный климат и странная живность, такая как *малый занберд*, *волиеблуст* и т.д. и т.п. На Салазаре есть две огромные реки, холодные и жестокие, но священные по вере ящеров. Это река *Священной Норы* и река *Священного Нарилла*. Раньше река Норы называлась рекой Мидгарда, но так её называли ящеры по своей вере. Столица салазарской Общины – *Рóна*.

Земля Дормереса и Хурана не имеет официального имени, но все её кличут *Мáдленом*. Это огромная земля, покрываемая бесконечными пустынями (как, например, самая большая пустыня Норы, *Фи*), джунглями, лесами и омываемая богатыми водами рек и озёр. Вот самые заметные из рек: *Пéксон*, *Юна*, *Стоун* и *Миста*. А из озёр: *Видда*, *Над*, *Цира* и *Порóн*. Стоун – самая длинная река мира, а Цира – самое большое озеро мира. И оба водоёма на одной земле!

Столица Дормереса – *Дорáнда*, а Хурана – *Лана*. Стоит также отметить, что Хуран богат не только водами материка, так как на левом острове Хуакина есть река *Мура́*.

Землю, где стоит могучая держава жуков, Бегленд, так и называют – Беглендом. Это сухая и неплодородная земля маленького размера. На ней есть всего одна хоть какая-то река, *Босá*, и два сравнительно небольших озера, *Бун* и *Капрá*.

ник. Именно из-за этого 400 лет назад *беглы* отвоевали у монстров часть территории Лесов Погибели, где можно хоть немного дышать. Там они выращивают удивительные растения со вкусными плодами, что сделало их торговлю богатой, а страну – пригодной для проживания. Данный клочок удивительной земли называют Ёрудой.

Но, несмотря на успехи с Ёрудой, беглы сдавались уже два раза, пытаясь обустроить Мёртвый остров, что лежит совсем недалеко от их берегов. Всё кончалось крахом. Никто не возвращался с острова! Никто не знает, что там происходит на самом деле. Всё это из-за туч, вечно нависающих над этой мёртвой землёй – там круглые сутки царит сумрак и нескончаемый дождь. На остров давным-давно даже перестали посылать разведку, потому как поняли – те не вернутся.

Не забудем и про столицу Бегленда, дивную твердыню *Жизну*, что блистает от всевозможных богатств, её украшающих. И всё неспроста, ведь Жизнь – это богатейший из городов Норы.

Земли Вилинера громадны. Об этих краях мир узнал позднее всего. Раньше Вилинер считался гиблым местом, где живут только дикари и упыри. Сейчас же называют гиблыми лишь её часть – Леса Погибели. Открытием этих земель их обитатели обязаны мореплавателю и торговцу Рахамеду. В честь него возведён дальний северный город, а в честь его спутников назвали все самые заметные воды Вилинера – они носят имена его жены Сары, мореплавателей Гиллана и Яко-

ва, а также сестры Вуалы. Впервые всю протяжённость берегов Вилинера одолел путешественник Вйнер. Он проплыл и прошёл все эти земли, но погиб в огромных мёртвых лесах. Его труды нашли через пару лет другие первопроходцы, о которых уже было сказано, Сазер и Дод.

Север Вилинера покрыт непроходимыми льдами, его называют Ледовый край. А на самом крае севера лежит мёртвая ледяная обитель монстров, но о ней известно очень и очень мало. Только о её существовании мы узнали из дневников Винера, больше никто туда отправляться не осмеливался.

В самом сердце Вилинера находится Кристальный лес, излучающий магическую и лечебную силу. Кто бы знал, почему так происходит! Ответ давали местные дикари в своих легендах, где говорилось об упавшей со звезды глыбе, давшей лесу такую силу. Вокруг него расположены все большие города вилинерской Общины, в том числе и её столица – Вайн. Наиболее близок к лесу мелкий городишко Драгрард, где живут добропорядочные лесовики, следящие за сохранением этого чистого места. В вилинерскую часть Общины входят все земли, кроме Севера Ледового края, Лесов Погибели и лесов *Карукатов*, диких племён странной расы, земли которых проложены на юге Вилинера.

На дальнем севере, за морями и океанами тоже есть один материк. Он наводит страх на каждого путешественника. Это Земля Льда и Монстров. Никто ещё не возвращался от-

туда, так как там ещё никто не был. То, что эти земли вообще существуют, мы узнали от бесстрашного Вайна, жителя Вилинера, ставшего героем страны, в честь которого называли столицу. Он отправился в места, о которых ходили страшные легенды и которыми обычно пугали детей перед сном. Приблизился он к этим гиблым местам предостаточно, чтобы увидеть и оценить всю бесперспективность проживания там. Никому не известно доподлинно, как далеко он зашёл в те места, но монстры, по его словам, там были *везде*. Когда матросы его корабля пристали к берегу, они были атакованы с суши. Спасаясь, бежали они по воде к своим шлюпкам, но погибали на месте, сражённые ядовитыми стрелами, и падали в воду, своими телами устлая дно и служа мостом для бегущих за ними монстров. Вайн рассказывал, что те монстры пытались захватить корабль, и только чудом оставшимся в живых удалось отплыть. Эти чудовищные существа хотели попасть в Вилинер, и кто знает, что было бы, если бы им удалось добраться до судна. Через неделю Вайн умер от неизлечимой болезни, а кто-то говорил, что от страха пережитого, так что с тех пор так никто и не знает истинный размер земель Севера и сколько там монстров...»

Юрман закрыл книгу и с ужасом посмотрел на камень, который он разглядывал до прихода Охена. Он заледенел. Глаза мальчика расширились от удивления и по спине пополз

холодок. Что-то явно было не так с этим камнем, но что, он не мог понять. Положив книгу на стол, он тяжело вздохнул и вышел во двор. Дождь, казалось, только начинал усиливаться. Старика нигде не было.

Засада угнетённых

Спустя четыре года Юрман вырос окончательно. Фактически ему было уже семнадцать. Теперь, когда его характер достаточно сформировался, я могу о нём рассказать. Юрман, как и его *покойный* отец, был покрыт сине-жёлто-зелёной чешуёй, красиво переливавшейся на Занаре, солнце этого мира. От Нормана внешне отличал его только этот красивый цвет чешуи, да его необычные глаза – большие для ящера, смотрящие прямо в душу своей жертве. Они были цвета высохшей коры дерева, холодного оттенка, слишком пронзительные для живого существа. Взгляд юноши был постоянно сосредоточенным, он смотрел, не мигая, и из-за этого казалось, что Юрм прямо сейчас нападёт на тебя, хотя на самом деле тот был довольно спокойным, сдержанным и даже весёлым парнем.

Частенько он подшучивал над Норманом и старым Охе-ном и был замечен в разных проказах. Все годы своего детства Юрман усердно тренировался, овладевал разным оружием и узнавал о Норе всё новые сведения. В его жизни был лишь один переломный момент, если не считать смерть родного отца, так как ящера растили так, что он постоянно был под чьим-то присмотром. Однажды Адро приказал Юрму резать свингосвара. Он знал, что Юрман ещё никогда никого не убивал. Норман был с ним в этот важный момент, стоял и

смотрел на него беспощадными глазами. Отказаться означало струсить. В итоге со слезами на глазах Юрман сделал это. Ему было всего четыре года, в тот день он познал вкус крови.

В этот же день пришла пора, когда Норман впервые взял Юмана в Кристальный лес. В лесу были замечены странные существа, за смерть которых дорого платили охотникам.

– Как ты? – спросил с довольной ухмылкой у брата Норман. — Знаешь, я впервые здесь очутился, узнав о своём происхождении. Помню, был сильно взбешён и расстроен. В итоге меня нашёл какой-то нетопырь и чуть не сожрал. Но ты не переживай.

– Я тебя понимаю. У меня есть вопрос. Могу ли я его сейчас озвучить?

– А ты видишь преграды? Не стесняйся, здесь за лишнее слово тебя не ударят палкой. – сказал, отодвигая рукой нависшие поперёк тропы листья, Норман. – Хотя, может кто и ударит...

– Эта энергия леса... откуда она идёт, Норм? – спросил Юрм.

– В самом центре леса есть что-то типа ядра. Говорят, оно упало с неба, дар Богов. Кто знает, что это было на самом деле!

– Люди видели многие чудеса в этих местах, это заставило их здесь обитать. Куда же пропала магия?

– Ты и сам прекрасно знаешь ответы на эти вопросы. – вздохнул Норман. – Или ты забыл речи Охена и пьяные бай-

ки Адро? История мира живёт в легендах, а что на самом деле, мы не знаем. Магия ведь распыляется в воздухе. Её не поймать, из неё не сделаешь стул, а значит, магия равна воздуху. Она, ну, знаешь... – Норман почесал затылок. – как запах от рагу кромина? Запах тоже равен воздуху, они идут, меняются местами... в общем, смешиваются между собой и мир становится более вкусно пахнущим. – сказав это, Норман рассмеялся. – Надо бы даже придумать для этого какой-нибудь термин. Например, диффузия. Как тебе?

– Получается, чтобы опять увидеть чудо, нужно дожидаться знака от Богов? Это нелепо!

– Ничего не поделаешь, Боги не благосклонны ко всем. К примеру, к тем *птахам*, которых мы сейчас ищем. К ним Боги не благосклонны, уж точно...

В кустах послышался шелест листьев и хруст палок. Норман закрыл рукой брату рот и прошептал:

– Мы с тобой разболтались, Юрм. Пора закрывать рот, мало ли какая тварь сейчас нас услышит.

Братья шли по западной части леса, их поход продолжался уже третьи сутки. Занар заходил за макушки сосен, становилось прохладно. Они решили устроить привал. Ночью в этом лесу творились страшные вещи, иногда ящеры слышали жуткий рёв или вой, но самое странное, что иногда раздавался и смех, от которого холодело сердце. Кроме того,

кроводары именно ночью выходили на свою кровавую охоту, так что осторожность не мешала. Если охотник хотел выжить ночью в Кристальном лесу, нужно было затаиться и не издавать ни единого звука.

У Юрмана с Норманом глаза были расширены, как у кошки ночью. Они сидели спина к спине за большим деревом и внимательно смотрели на ближайшие кусты. Ящеры спокойно могли не спать несколько суток, так что ночь они провели в засаде, но никто так и не вышел к ним на поляну. Только под утро они убили *хусура*, закопали в песок и над ним разожгли огонь.

Перекусив горячим, пахнущим дымом, мясом, Юрман начал изучать карту. Надо брать севернее. Птахи знали о них, а потому хотели поскорее уйти. Это братья определили по царапинам на вершинах деревьев. Наклонившись, Норм поднял с земли горсть пожелтевших листьев *бугишгов*. Осень была в самом разгаре, а скоро, как говорили тучи за горизонтом, стукнут первые заморозки.

Они шли по присыпанной бурыми листьями тропе. Что-то Норману показалось странным с её размером. Раньше была тропа, как тропа, а сейчас... Что-то здесь произошло, и это кто-то скрыл.

– Разворачиваемся! – вдруг быстро сказал он.

Они рысцой побежали обратно. Братья неслись по тропе совершенно бесшумно, особым охотничьим натренированным бегом, но это их не спасло.

На них была засада. Нормана знали в лесу очень многие. Его не любили. Вообще! Он убил столько жителей этого леса из-за денег! И все это знали. Так что рано или поздно это должно было произойти. Норм думал, что истребил уже всех, кто представлял для него опасность, но нет. *Птахи, краснорогие, змееводные...* Юрман заметил даже пару *остралов*! Все они объединились, чтобы Норман расплатился за старые долги.

Это был очень простой и чёткий план. Во главе стаи стоял краснорогий Френдин. Он почти год блуждал по лесу и собирал угнетённых в свой отряд. Все ждали первого похода молодого братишки знаменитого ящера. Договорившись с двумя кроводамами, Френдин легко заманил братьев в лес еле заметными следами птах к тому самому лагерю, где все собрались. Угнетённых было около пятисот, за ночь они хорошо подготовились.

– Ах, неужели это тот самый ящер-убийца Норман Монгер! Тот самый чудной приёмный ребёнок с Салазара, убивший даже родного отца своего сводного брата? – начал Френдин. – Скажу честно, пока не имею ничего против твоего брата. Его мы убьём быстрой смертью, незачем ему мучиться за твои грехи. А вот тебя, Норман ждёт самая мучительная из возможных в мире смертей. Каждый из присутствующих внесёт в твою погибель свой вклад таким способом, каким пожелает. Ты долго будешь мучиться, как понимаешь... – Френдин яростно захохотал и его поддержала вся присут-

ствующая орава. – Что же ты глазами водишь? Думаешь, как лучше всего сбежать отсюда? Небось, продумываешь каждую деталь, начиная с удара по голове вот его... Жана. Ты ведь Жан, да? Нет? Неважно. А потом подпрыгнешь на вот это дерево, да, Норман? Почему молчишь? Мы хотим услышать от тебя хоть одно слово перед смертью. А потом мы отрежем тебе язык, чтобы ты не мог кричать.

Норман молчал и оглядывался по сторонам. Их с братом окружало полтысячи разъярённых норийцев. Ситуация действительно была тупиковой.

К Норману подошли две птахи. Один ударил его по глотке, другой в живот. Затем они достали нож. Очень острый нож из благородного металла, какой можно было купить только в Вайне. Один птаха случайно лишь немного прикоснулся остриём к пальцу, и из этого места мгновенно потекла кровь.

– Видишь ли, – продолжал Френдин. – в этой истории ты не главный герой. Главный герой здесь я, *и я прав в этой истории!* ЗЛОДЕЙ, ЧТО СОВЕРШИЛ УЖАСНЫЕ ВЕЩИ, И ДАЖЕ НИКОГДА НЕ ПОЖАЛЕВШИЙ ОБ ЭТОМ, ДОЛЖЕН ПОЛУЧИТЬ ПО ЗАСЛУГАМ! И никто не в праве осуждать мои действия! Я прав, Норман? *Я прав?!*

Норман смотрел в землю, его глаза покраснели от ярости. Птаха схватил его голову и силой открыл ему рот. Нож мелькнул в воздухе. Птаха поднял в воздух синий язык ящера. Вокруг раздались вопли.

Норман зарычал. Из его рта полилась кровь. Он застонал и взглянул на небо. И вдруг завыл. Его красные глаза стали безумными. Из носа из-за удара тоже текла кровь.

– *ТЕБЕ ПРАВИТСЯ, НОРМАН?* – услышал он сквозь пелену боли. – *Правится!? А нравилось тебе убивать тех невинных!? НЕ МОЖЕШЬ ОТВЕТИТЬ? АХ, ДА, У ТЕБЯ ЖЕ НЕТ ЯЗЫКА!*

Юрман, привязанный к дереву, готов был проглотить верёвку, которой обмотали его пасть. Норман, залитый кровью, упал на колени и опустил голову к земле. Кровь из его горла капала на жёлтые листья, окрашивая их в ярко-красный цвет.

– *Что, не можешь устоять на земле, салазарец?! А ПОМНИШЬ МОЮ ЖЕНУ, КОТОРАЯ ТАК ЖЕ НЕ МОГЛА УСТОЯТЬ НА ЗЕМЛЕ С МАЛЫМ РЕБЁНКОМ В РУКАХ? Ты хоть помнишь её?!* Нет, Норман, я не оставлю тебя даже после окончания твоей никчёмной жизни! Мы повезём твоё тело в наши земли на севере, ведь в скором времени там появится новая страна, где найдут свой очаг угнетённые со всей Норы! Мы выроем в центре нашей столицы *ОГРОМОМНУЮ ВЫГРЕБНУЮ ЯМУ*, и первым мусором в ней станешь *ТЫ-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы!*

Норман крепился.

Ужасным было всё – и то, что было нестерпимо больно, и

то, что их всё же застали врасплох, а он, такой опытный и, главное, старший, не предусмотрел этого. Ему отрезали ухо и пару пальцев. Это его, кстати, не особо тревожило. В отличие от собравшихся вокруг убийц он понимал одну вещь: он ящер. Пальцы его, подобно хвосту ящерицы, снова отрастут. Уши останутся покалеченными, но это неважно, слух он не потеряет. Чтобы вырос заново язык, ему понадобится несколько человеческих лет, но он всё же отрастёт вновь. Если, конечно, он сможет выбраться, захватив с собой Юрмана, своего младшего брата. А вот с этим пока были проблемы. Выбраться как, каким хитрым способом?

Нормана полосовали ножом, когтями... Угнетённые насчитали всех убитых их сородичей, их было 829. Это число ему выцарапали на спине острым ножом, пробив слой толстой чешуи. Это было особенно болезненным для ящера.

Внезапно мучители отступили от его окровавленного тела. Нормана оставили в покое только для того, чтобы он помучился, видя, что собираются сделать с его братом. Решили помучить его зрелищем смерти Юрмана ещё при жизни. Его подвесили между двумя деревьями за верёвки, которыми обмотали его окровавленные руки.

Сквозь завесу боли и крови Норман слышал, как Френдин и другие угнетённые обсуждали казнь Юрмана. После один из них встал, достал топор и стал его демонстративно точить.

Возле братьев стояли пятеро угнетённых птах и змееводный. Один из пернатых смотрел Норману прямо в глаза, но

Норман уже не видел этого, потому что его веки вдруг отяжелели, и он едва не потерял сознание. «Поганый ящер с дерьмом в штанах» – так выразился один из змееводных про него. Остальные разговаривали друг с другом, изредка поглядывая на предводителя. Да, выбраться отсюда живым было невозможно.

– Эй, вы! – вдруг закричали из чащи леса. – Эй! Бегите! Бегите!

Из леса выбежал раненый кроводар с ободранными руками. Этот дарк был очень бледен для своего вида. Он ошалело вертел головой влево и вправо, бешено вращая одним глазом из стороны в сторону. Другой глаз был подбит и заплывал красным месивом.

Этот кроводар не ожидал увидеть так много угнетённых в одном месте, он явно был ошарашен количеством собравшихся. Многие начали доставать оружие, с удивлением глядя на пришельца, но кроводар сплюнул кровавой слюной и резво побежал дальше.

– Что за идиот? – спросил стоявший рядом с Френдином змееводный.

– Не волнуйтесь. – ответил главарь. – Очередной псих. Сошёл с ума, помолившись какому-то демону.

Однако вскоре послышались такие же быстрые шаги, вопли и тяжёлое дыхание – за тем дарком будто кто-то гнал-

ся!

Это была целая толпа кроводаров. Испуганных и быстро бежавших кроводаров. Несколько из них остановились на секунду и, повернувшись к Френдину, закричали:

– Бегите, бегите отсюда как можно быстрее! Он опять голоден! Бегите. Нельзя, нельзя его кормить! Пусть умрёт, питаясь лишь мелкими кроминами и другими зверьками. Хорошо ещё, что здесь нет хунов...

– Кто, кто голоден?! – засуетились собравшиеся.

– Аворадо...

.

Тогда Френдин сказал:

– Мы все видели толпу испуганных кроводаров! Но мы завершим то, что начали. Мы убьём сначала Юрмана, а после и Нормана. *МЫ НЕ ИСПУГАЕМСЯ КАКОГО-ТО ДЕМОНА!* Я правильно говорю? *ДА?!*

– Да-а-а... – послышалось в ответ нестройными голосами.

– *НУ ТОГДА...*

Норман слышал их крики, как сквозь какой-то туман в голове, он плыл в багровой завесе своей боли, голова раскалывалась на части, ужасно болело то, что осталось от отрезанного языка. Он боялся потерять сознание и громадным усилием воли оставался в центре событий, хотя соблазн отключиться был велик, так он хотя бы не чувствовал, как горит всё его истерзанное тело. Его младший брат сидел, связан-

ный по рукам и ногам, на земле и смотрел на воздух перед собой. Он думал обо всём хорошем и плохом, что случилось в его короткой жизни, он готовился к смерти. Эти мысли так поглотили его, что он словно не замечал подходящую к нему толпу во главе с Френдином, у которого в руках красовался боевой топор. Юрману вдруг всё показалось неважным, бессмысленным и он тяжело вздохнул.

Внезапно поляну накрыла тьма. Толпа ахнула и попятилась, многие стали разбегаться, кто успел, слышались крики и звуки давки. Откуда-то издалека засветились два ярко-жёлтых огонька в этой крошечной тьме. Что бы это ни было, оно приближалось быстро и неотвратно, как сама смерть. Наступила зловещая тишина, замерло всё, казалось, что даже трава боится пошелохнуться. Станный холод накрыл место казни, и каждый из присутствующих ощутил вдруг ледяную тоску в сердце. Но вскоре она переросла в дикий, ни с чем не сравнимый страх.

Нормана словно ударило чем-то. Он с трудом открыл глаза, залитые кровью. Он тоже почувствовал этот ужас и искал глазами брата. Связанный Юрман стоял на коленях, его силуэт еле виднелся во тьме, но ящеры прекрасно видят в темноте, так что даже заплывшими синяками глазами Норман увидел его перекошенное от страха лицо.

Два жёлтых огня становились всё больше и больше. Те, кто не успел убежать, казались парализованными и не двигались. Замерев, смотрели они на эти жёлтые шары. И вдруг

огоньки на секунду исчезли, словно кто-то моргнул. Оно было живое, это страшное и ужасное существо, вышедшее из леса на поляну.

Тихий зловещий шёпот зазвучал в ушах у каждого, он произносил лишь одно слово: Аворадо.

Те малочисленные участники расправы, что ещё оставались на поляне, ринулись бежать. Тьма постепенно рассеивалась, вырисовывая огромную и странную фигуру. Топор выпал из рук Френдина, и главарь побежал впереди всех.

Юрман стал отчаянно вырываться из опутывавших его тело верёвок, но всё было напрасно. Тьма поглотила двух братьев. Глаза чудища, горевшие жёлтым огнём, приблизились совсем близко. Было тяжело видеть их так близко к себе. Сердце юноши стучало как бешеное, он мысленно простился с жизнью. Перед тем, как окончательно зажмуриться, он в последний раз взглянул на чудовище. И вдруг увидел знакомое лицо, лицо ящера...

Пространство вокруг завертелось, вихри пошли по поляне. Юрману показалось, что под ним оседает земля. Два странных жёлтых глаза смотрели на него в упор, не мигая. На миг ему показалось, что они заглянули к нему в самую душу. Послышался хохот. Безумный смех. Юрман не выдержал и крепко зажмурился. С чудовищной скоростью стали мелькать в мозгу картинки: вот он, растерзанный, лежит на земле, вот Норман, окровавленный, подвешенный между деревьев, становится добычей чудовища... Вдруг всё исчезло.

Стало спокойно, и он провалился в небытие.

Братья очнулись рано утром. Было тихо. Оба лежали на земле. Норман первым поднял голову и огляделся. Странно, но поляна, которая чуть не стала их местом казни, была пуста, и только помятая трава и сломанные кусты напоминали о том кошмаре, что происходил ночью. В целом старший ящер чувствовал себя хорошо, если не учитывать израненный внешний вид и отсутствие языка.

Воспоминания об их несостоявшейся казни обрывками проносились в голове, как воспоминания о дурном сне. Что это было? Уже неважно. Они оба остались живы, и это главное! Как братья смогли спасти свои шкуры? Нужно было встать и быстрее возвращаться домой.

По дороге обратно они то и дело натыкались на трупы угнетённых. Наверное, возник спор, началась резня, это всё объясняет. Так думали ящеры. Воспоминания о сегодняшней ночи словно стирались из их памяти, никто из них двоих не мог вспомнить чёткой картины произошедшего. На шеях братьев застыли чёрные капли, они медленно впитывались в кожу. Аворадо оставил свой знак...

Омельман

После событий в лесу все, абсолютно все, были поражены. По крайней мере, хотя бы делали вид удивления... Адро объявил охоту за головой Френдина. Теперь тот был в розыске во всём Вилинере, так как градодержец также отправил весточку в столицу. Норман просидел в лазарете Охена, наверное, неделю. Результатом этого лечения стали промытые и забинтованные раны ящера. В первые дни после того, как Норман вышел из лазарета, он носил на голове специально придуманный Охеном прибор, который должен был помочь в исцелении уха и глотки ящера. А, как говорят, в глотке Норма творилось по-настоящему страшное зрелище...

Охен не обошёл стороной и пальцы Нормана, которых попросту не было. Из десяти их осталось всего шесть. Но после лазарета, о чудо, все пальцы были на месте. Об этом процессе Норм рассказывать не пожелал, но, опять же, говорят, что он целыми днями хлебал какую-то сыворотку. Ухо ящера, как тот и предполагал, исцелить было невозможно, но Охен, изучив его, понял, что Норм и так хорошо слышит. Ещё чуть-чуть и его слух на правом ухе мог навсегда кануть в лету. А вот его язык был очень капризен. Теперь после каждого приёма пищи Норман обязан был мазать на его оставшийся кусочек мазь из неких *чергунышей*. Только так можно было добиться его роста хоть за год человеческий, в течение кото-

рого ящер не мог членораздельно говорить. Если быть честным, мазь эта не внушала никакого доверия, к тому же была далеко не самой приятной на вкус.

Каждому мальчишке рассказывали о чудесном дне, что ждёт их в будущем. О дне, что случается только один раз за всю длинную или короткую жизнь. Этот день носит имя Омельман. Условный юнец не знает, что именно происходит на этот праздник, так как те, которые его прошли, не рассказывают о нём больше, чем я сказал до этого. Омельман у каждого имеет свою дату, он случается спустя восемь дней после того, как юноше исполняется семнадцать лет. После празднования Омельмана нориец становится полностью совершеннолетним. На Норе вообще есть две стадии совершеннолетия: когда ребёнку исполняется четырнадцать, и когда у того проходит Омельман. Первая стадия означает, что нориец отныне в праве претендовать на какое-либо наследство, женитьбу, а также теперь его можно записывать в войско на войну. При полном совершеннолетии нориец получает все остальные права, если права, конечно, были и у его родителей, ибо сын раба – это тоже раб, как гласит одна норийская пословица.

Так и Юрман в тот день вступал в Омельман.

Норман, немой, как рыба, направлялся с омельманным братом прямиком в таверну «Прах каруката». Вокруг повсе-

местно стояла отвратительная погода. Юрман всё время не давал Норму покоя, расспрашивая у него об Омельмане, на что, как можно догадаться, ответов не получал.

Ворвавшись в полную народа таверну, ящеры прошли вперёд, где их уже ждал Рэт.

– Добрый день, старые друзья! Погода сегодня просто отменная, вы не находите?

Ящеры бросили на сукара хмурые взгляды и сели по местам. Норман, что понятно, выглядел не совсем здоровым.

– Норман, чёртов псих, мои соболезнования. – Рэт перевёл взгляд на второй экземпляр, – Я вижу на лице твоего брата довольную ухмылку. У тебя Омельман, Юрман? Я помню, как ты рассказывал мне о твоём скором праздновании.

– Верно, Рэт. – произнёс Юрман, разглядывая посетительей таверны, – Поэтому две свингосварины лучшего качества.

– Одну минуту. У меня её теперь хоть отбавляй. Так, быть может, смогу перегнать даже бар Кира, что вечно надо мной злорадствует... – Рэт достал из-под стола кружку с жидкостью явно ненормального цвета, – Из-за ваших недавних недугов эта моя лучшая моча свингосвара достанется вам абсолютно бесплатно!

– Мне кажется, Рэт, это не самая лучшая твоя свингосварина. – заметил Юрман, рассматривая выпивку, – Давай ты всё же дашь нам нормальной мочи свингосвара, а мы заплатим?

– Что ты, Юрм? – удивился Рэт, – Ты думаешь, я бы стал травить вас какой-то блевотиной? Видишь, Норман уже выпил.

Норман и впрямь выпил эту сомнительную вещь.

– А я, пожалуй, всё же воздержусь. – решил для себя Юрман. Тут же он заметил, что эту же свингосварину пьёт вся таверна.

– Не хочешь? – уточнил хозяин заведения, – Ну, ладно. Тебя никто не заставляет.

Вдруг Норман встал и, предварительно показав Юрману знак, что ему нужно отлучиться, пошёл на выход. После того, как дверь захлопнулась, и ящер испарился, таверна оживилась с новой силой, и Юрман понял, что их доселе гробовое молчание – это удовольствие исключительно для Нормана, а не для обоих ящеров.

«Так что же происходит в Омельман?» – не успел подумать Юрман, как на улице, куда только что вышел Норман, послышались крики и удивлённые возгласы.

Юрман встал с места. Кое-кто из посетителей тоже заинтересовался происходящим на улице и вышел. Ящер открыл дверь и увидел, как над бездыханным Норманом столпились прохожие.

– Дело плохо, Юрман. – произнёс, казалось бы, не столь уж печальный Охен, – Должно быть, он выпил какой-то яд.

– Что именно с ним происходит? – с отчаянностью в го-

лосе спросил Юрман. – Он умирает?

– Боюсь, что да.

Из комнаты, откуда минуту назад вышел Охен, послышался хриплый кашель. Последовала горестная пауза осознания.

– Что я могу сделать? Может, есть противоядие? Я найду всё то, что требуется...

– Не нужно, всё и без того присутствует. Дело в том, что, как ты выразился, «противоядие» придётся готовить не менее трёх дней. А, судя по его состоянию, Норм умрёт уже этим вечером.

Новость была неутешительна.

– Видишь ли, Юрман, яд вызвал у Нормана резкое понижение температуры тела. Для таких, как вы, ящеров, это смертельно. Для других же видов, нет.

– Как сейчас выглядит мой брат?

– Как кислый, засохший лимон.

Юрман нёс ведро воды из колодца, так как Норману сейчас больше всего нужна была именно она, когда увидел сукара, что без сил валялся у ног своего отца. Он выглядел, как кислый, засохший лимон.

Недолго думая, Юрм ринулся к ним.

– Господин ящир... – испугался сукар-отец, – Не волнуйтесь, он прозто упал... Давай жеж, Гуйра, подымайся! Гуйра!

– Извини, дед, но твоему сынишке нужна помощь, которую я сейчас помогу оказать. Хватай его за плечи и понесли, здесь как раз рядом лазарет!

– Что вы, что вы... Ему уже гораже получше. Гуйра, не позорися пред сыном градодержца!

Дед ещё немного пытался поднять сына, но всё было без толку. В конечном счёте они всё же унесли Гуйру в лазарет Охена, и Юрман с удивлением обнаружил, что кроме Нормана и сына сукара на койках лежат ещё пять норийцев, бледные и сухие лица которых отливали желтизной лимонного сока.

– Дед! – окликнул Юрм, – Где вчера или сегодня был Гуйра? Приказываю отвечать честно именем градодержца Драграрда!

– Э-э-э... Ну, вопрос этакий для меня прост, потому как Гуйра и вчера и сегодня был под моим надзором, чтобы не вытворил ничаво... Вчера мы с Гуйрой весь день провели на поле, траву пололи. А под вечер он пошёл в ту чёртову забегаловку... как бишь её? Ну, да, прах каракута. Вот, а по сегодня...

Вдруг Юрман увидел, как прохожие падают прямо во время ходьбы. Он, не дослушав, рванул к Охену.

Войдя в главный зал, ящер увидел ужасное зрелище. Будто началась эпидемия. Коек не хватало на заболевших от яда, их клали по всем углам. Между больными телами, как пчела, сновал Охен.

– Охен! Охен, что происходит? – прокричал Юрм.

– Массовое отравление! Всех, кого ты видишь, напичкали тем же ядом, что и Нормана. Я уже начал делать противоядие. До его приготовления эти везунчики будут здесь. Не знаю, почему их так много. Как будто *где-то что-то* разом выпили...

Юрман понял. Не мешкая, он отправился в таверну «Прах каруката».

– Рэт! Что ты знаешь об отравившихся ядом? – начал Юрм.

– Ничего я не знаю. – Рэт немного замешкался. С момента их последней встречи он заметно побледнел. Прямо как вор, который боится рассказать, что украл.

– Да неужели?

– Для любой дезинфекции и прочей ревизии прошу обращаться только со специальным ордером. Он у тебя имеется?

– У меня имеется отец-градодержец, от имени которого я сейчас и пришёл, что может отрубить тебе в случае чего голову. Отвечай, что ты добавлял вчера в свингосварину?!

– Юрман, я совершенно не причастен...

– Говори!

– Я её вчера и не варил...

– Что? Как?! А кто тогда варил?!

– Ко мне вчера утром заехал один необычный, по всей

видимости, сукар в капюшоне...

– Не медли.

– Он представил мне весьма солидное предложение. Телега новой отменной свингосварины и... бесплатно. Ну... я согласился.

– Блеск. Как он себя назвал?

– Ох... Ну, это не помню. Вроде фамилия начиналась на «Эг». Вот.

– Что ещё можешь сказать?

– В телегу были запряжены очень странные *гёсты*. Две гёсты. У первой, что слева, был выцарапан правый глаз. А у второй, что справа, отсутствовал левый глаз. Весьма диковинное зрелище, могу тебе сказать! Они словно направляли друг друга. Были одной гёстой...

– Это всё?

– Да, всё.

Логика Юрмана не отличалась какими-то особыми махинациями. Если свингосварину предложили одному, то могли предложить и другим. Он направился в бар к Киру, главному конкуренту Рэта.

– Здравствуй, Юрман! – встретил необычного гостя сам хозяин, —Наконец понял, где в этом городе лучшая свингосварина?

– Я пришёл задать тебе пару вопросов. Я надеюсь, ты пой-

дёшь мне навстречу?

– Есть, минеер. Что тебе нужно?

– Не предлагали ли тебе вчера бесплатную свингосварину?

– Не думал, что это важно. Да, предлагали. Я отказался. Мало ли, что он залил в эти бочки. А этот болван Рэт небось согласился?

– Да, было дело...

– ХА! – раздался оглушительный победный клич Кира, перебивший Юрмана, – Теперь-то мы заживём, да, Люси? – обратился он к кому-то за стойкой.

– Не помнишь, как звали того типа, что предложил тебе свингосварину?

– Да, помню. Хотя, нет, что-то я немного подзабыл...

Юрман вывалил на стол пять саплингов.

– Вспомнил! – Кир загрёб монеты себе в карман, – Вроде бы Фрункин Эгвайт.

«Всё сходится», – подумал Юрман.

– Он говорил тебе что-то ещё?

– Нет, минеер, на этом он плюнул мне под ноги и укатил на своей телеге.

На часах было три часа дня.

«Если я не ускорюсь, Норман будет лежать в земле. – думал Юрм, выслушивая ворчание своего названного отца, –

Хорошо, что я утром не выпил свингосварину Рэта, иначе что бы могло случиться?»

– Упал на глазах у всей челяди! Все видели, даже молочницы! Молочницы! Сын градодержца лежал в канаве посреди этих плебеев! Что, спрашивается, должны теперь думать обо мне?! Ты, Юрман, просто обязан не упасть также в грязь лицом! Хорошо, что можно выбирать между двух наследников!

– Отец, я пришёл сюда по неотложному делу. Мне нужен список всех жителей Драграрда, а также, если есть возможность, предоставь мне список всех тех, кто вчера въезжал и выезжал из города.

– Зачем они тебе? Ты выглядишь уставшим. Присядь.

– Нет времени. Норман умирает, мне нужен список, чтобы найти одного типа, что замешан в этом.

– Оставь месть на потом, сын. Норман служил нам довольно долго и хорошо. Думаю, что поколениям пора смен...

– Что ты говоришь, отец? Ещё не всё потеряно, дай мне список, и я всё исправлю...

– Нужно смириться, Юрман. Я знаю, это тяжело, терять столь близкого человека для тебя...

– Отдай мне список, отец!

Адро снял маску заботливого отца, обнажив змеиное лицо.

– Хорошо, дам.

Проверив свитки от начала и до конца, Юрман не нашёл

ни единого Фрункина Эгвайта.

– Когда в последний раз в список включали кого-либо, отец?

– Вчера. В семье купца Норвеста родилась...

– Неважно.

На часах было пол пятого. Перепроверив список в очередной раз, Юрман заметил знакомую фамилию. Фаедра Эгвайт. Было указано и место её проживания. Юрман вновь отправился в путь.

Ящер стукнул по двери в третий раз, и она отворилась. Перед ним предстала старая норийка с непонятной внешностью. Улыбка явно долго не появлялась на её лице. Жила она бедно и вышла в лохмотьях. В её глазах слепня не отражалось ничего кроме скорби.

– Кто вы? – спросила она, и от её ледяного дыхания померали все мошки, что делали уже сотый круг, пролетая над головой старухи.

– Я сын градодержца города, в котором вы живёте. Вы Фаедра Эгвайт, если не ошибаюсь?

Старуха сморщила лоб, явно давая понять, что не понимает сказанного. Юрман повторил вопрос.

– Меня называли по-разному. – проскрежетала она, качая головой, – Но мать называла меня Фаедрой, да.

Старуха ещё как будто что-то пыталась вспомнить, но Юр-

ман прервал её размышления следующим вопросом:

– Вам знакомо имя Фрункин Эгвайт?

Фаедре вновь потребовалось повторить, после чего она всё же сказала:

– Моего покойного мужа звали Рунд. Дочь, что последовала за ним в могилу, звали Анфа. Моего отца, умершего третьим, звали Фазин. Жена моего сына, а также мой внук были четвёртой и пятым. Их звали Бия и Ронни. Шестым же будет мой сын, чьё имя и карикатурное лицо теперь можно видеть по всему Вилинеру. Его зовут...

– Френдин? Френдин Эгвайт?

– Да, мой Френдин. Вы пришли за ним? Я ждала этого...

«Как можно было перепутать «Френдин» и «Фрункин»?» – Юрман схватился за голову, осознавая всю серьёзность и, в то же время, абсурдность ситуации.

– Именем всего, чёрт возьми, Вилинера, где сейчас ваш сын? – вывалил на старуху ящер.

Фаедра отступила назад, и на её усопшем лице появились слёзы.

– Я... – начала она, – я не могу вам сказать...

– Так вы всё же знаете? – Юрман почувствовал, как среди всей этой крошечной тьмы появился лучик надежды, – Говорите, иначе мне придётся забрать вас для допроса!

– Он... – говорила Фаедра, – он в сгоревшей конюшне на окраине Драграрда...

Юрман, не став дослушивать старческие стенания, ринул-

ся к указанному месту. Занар уже садился.

Ящер приготовился к вылазке. Он пробирался, как рысь, к сгоревшей два года назад конюшне. Юрман помнил, как после пожара сам Адро приехал оценивать ущерб. Сгорела дюжина гёст, а также личный конюх градодержца, Гунтер. Именно он учил Юрма езде на гёсте.

На месте конюшни хотели построить дозорную башню, но из-за длительных дождей и прихода зимы про идею забыли, а внутри пепелища рядом с могилой Гунтера стали хоронить тех, кого не разрешали на центральном драгардском кладбище: рабов, крестьян, крепостных и прочее население третьего сословия.

«Когда-нибудь, – думал Юрман, – мы все будем лежать в земле, а потому какая разница, где именно?»

Стоя у самого входа в конюшню, Юрман мог слышать ржание гёст, что стояли прямо за стенкой. В месте, где умерло так много ездовых, им, наверное, должно было быть не по себе.

Ящер, затаив дыхание, подошёл ко входу. В углу конюшни стояла телега, рядом с ней к палке были привязаны две диковинные мертвенно-белые гёсты, о которых говорил Рэт. Среди могил повсюду стояли бочки со свингосвариной. На одной бочке располагалась целая стопка бумаг, чернила и склянки с грязно-зелёной жидкостью внутри. В самом центре над всем этим скопищем висел труп. Голова Френдина

безжизненно повисла в петле. Под телом валялся наспех сколоченный стул.

Юрман, всё ещё насторожившись и чувствуя на себе чьи-то взгляды, вошёл в конюшню. И тут же перед его глазами всё поплыло. Он провалился, но пошёл дальше и, взяв пару склянок и первые попавшиеся бумажки с бочки, побежал к выходу. Покинув пределы тёмного места, Юрман, предварительно немного придя в себя, начал рассматривать вещи, которые ухватил.

На бумагах было расписано следующее:

«Здравствуй тот, кто узнал о моём деянии. Я возглавлял группу угнетённых рас, что хотели отомстить головорезу Норману Монгеру. После долгих мучений подонка, мы дали ему время передохнуть перед новой волной. Но кроводары принесли нам тревожные новости. Зря я их не послушал. Это было ужасно. Тьма-тьма-тьма...» это слово повторялось ещё две страницы «тьма-тьма. Сколько моих друзей она убила? То, что я видел, теперь всё время пред моими глазами. И это она! Она везде! Но я как-то выжил. И Монгеры выжили. Я не мог напасть на них тогда. Я придумал хороший план. Благодаря ему я мог бы безошибочно убить ящера. И он уже мёртв. Вы не могли найти меня раньше его погибели. И я счастлив. Безумно счастлив. Но эти жёлтые глаза... Они иногда появляются среди той мглы, что я вижу каждую секунду своей несчастной жизни. Они преследуют меня. Шепчут мне на ухо. Я сошёл с ума? Они везде. Везде глаза. *ВЕЗДЕ ТЬМА.*

Я закончу это безумие.»

Юрман отложил записку и снова взглянул на труп Френдина. Вокруг стояло крошечное безмолвие. Безумно тихо. Такое чувство, словно кто-то наблюдал за Юрманом. Он огляделся, сплюнул и стал осматривать склянки. На одной из них стояла подпись «Обратное». Юрман предположил, что это и есть противоядие и, безумно рискуя, побежал в лазарет Охена в надежде, что Норман всё ещё жив.

– Охен!

– Да, Юрман? Ты хотел попрощаться с братом? Твой отец уже это сделал...

– Он ещё не умер? Выслушай меня, Охен, я, быть может, нашёл противоядие!

На лице старца проскользнула нотка недоверия.

– Юрман, я эмигрант из Бегленда времён эдалевских репрессий, я на своём веку видел столько, что давно уже потерял веру в какие-либо чудеса. Ты не врешь мне?

– Нет, Охен.

– Тогда терять нам всё равно нечего. Давай попробуем твоё «лекарство».

Они зашли в палату Нормана. Тот был совсем плох. Его зелёная чешуя стала почти белой. Рука леденела, притрагиваясь к его холодному телу. Глаза ящера были закрыты, но он ещё дышал. Охен раскрыл пасть умирающего и вылил в

его глотку всё содержимое склянки.

– И? – спросил Юрман.

– Что? Теперь нам остаётся только ждать. Завтра приходи утром, посмотришь на его состояние. Но у меня к тебе таки есть вопрос.

Юрман удивился такому повороту событий. Обычно вопросы всегда задавали Охену, а не наоборот.

– Я слушаю. – Юрман был весь внимание.

– Ты наконец понял, что такое Омельман?

Ящер удивился вновь. Немного поразмыслив над ответом, от произнёс:

– Да. Я понял, что такое Омельман.

Ещё немного постояв над братом, Юрман отправился домой. В его тесный и душный подвал, где проспал всю ночь.

А утром он посетил в лазарете живого Нормана.

День Нормана

Я пробираюсь сквозь заросли из засохших деревьев, пытаюсь бежать. Не вижу того, от кого бегу. Ноги застревают в трясине, состоящей из месива крови, блевотины и перегноя. Я зову к себе Юрмана, но его нигде нет. То, отчего я бегу, всё ближе и ближе. Вдруг из темноты кто-то неизвестный протягивает костлявую руку. Оценив ситуацию, я принимаю помощь. Одним рывком меня вытягивают из трясины. Не успев встать, вижу лицо незнакомца. Это полусгнивший Френдин. На месте его когда-то безумных и беспокойных глаз пустуют непроглядные глазницы черепа. Я в ужасе. Угнетённый открывает челюсть и проговаривает: «Тот, кто рассказывает истории, правит миром...» Затем Френдин толкает меня обратно в зыбь и уходит. Что-то наклоняется над моей головой. Я кричу во всё горло, как вдруг оказываюсь в Драграрде. Я лежу на спине посреди оживлённой улицы. Все прохожие смотрят на меня. Я с усилием поднимаюсь на ноги, как вдруг обнаруживаю, что у меня отрезаны руки. Прохожие снова начинают идти по своим делам. Я оборачиваюсь и вижу таверну Рэта.

Я вхожу в помещение и подхожу к стойке. За ней кто-то стоит, но это не Рэт. «Где он?» – само вырывается из моих губ. Никто не обращает внимания на мой вопрос. В таверне небывало шумно, все делают вид, что меня нет. Я повторяю

вопрос громче, уже адресовывая его ко всем посетителям. Из-за стойки доносится ответ: «Его нет». Я поворачиваю голову к сказавшему. Это мой отец. Картина резко меняется. Посетители и шумная таверна исчезают, Адро проходит и садится в своё кресло, что откуда-то взялось посреди таверны. Он пьёт вино, не замечая меня. Я подхожу к отцу ближе и спрашиваю: «Что происходит?» Градодержец испуганно поворачивает лицо на меня. В его глазах читается невероятный страх. Вдруг стены помещения загораются, и огонь начинает охватывать всё вокруг. Адро, надрываясь, кричит на меня: «УБИЙЦА! УБИЙЦА!»

Я переносусь в поле, и обнаруживаю себя меньше ростом, чем золотистая трава вокруг. Рядом стоят Адро, конюх Гунтер, а также мясник и кузнец Драграрда. Адро даёт мне в руки меч. Мясник и кузнец вытаскивают из-за своих широких плеч мешок. Конюх открывает его. Внутри сидит женщина-угнетённая с младенцем на руках. Адро приговаривает: «Убей быстро, и тогда мы сразу вернёмся домой. Они не норийцы, они – дикие звери. Убей!» Из-под моих рук, сжимающих отцовский меч, начинает литься кровь. Вокруг раздаётся разрушающий всё грохот: «УБИЙЦА! УБИЙЦА! УБИЙЦА! УБИЙЦА!..»

Я в диком ужасе встаю с кровати и вижу знакомые стены подвала под домом Адро, где мне надлежало спать. Койка Юрмана, стоящая у противоположной стены, пуста.

Я поворачиваюсь и вижу Юрмана, пишущего за столом какие-то письма. «Юрман!» – окликаю я брата, но тот не оборачивается. Тогда я подхожу ближе и касаюсь рукой его плеча. Юрман тут же останавливается. Тут он встаёт со стула и разворачивается.

Предо мной встал не Юрман, а Солан, его отец. Сейчас я вижу, как они всё-таки похожи. Но глаза ящера другие. На меня смотрят два жёлтых ока, в которых не отражается ничего кроме чего-то невозможно запредельного и далёкого. Солан улыбается от уха до уха. Вдруг улыбка сменяется выражением неприкрытой ненависти и Солан начинает повторять: «УБИЙЦА! УБИЙЦА! УБИЙЦА! УБИЙЦА!..»

Оно доносится со всех сторон. В голове гремит также: «Убей быстро, и тогда мы сразу вернёмся домой. Убей!» Я, теряя самообладание от очередного кошмара, рублю со всей мочи по Солану. Вместо трупы убитого ящера на полу лежит мёртвый Юрман...

– Тот, кто рассказывает истории, – слышится откуда-то голос Френдина, – правит миром...

Окончательно проснувшись, я тогда встал с кровати. Помню все мои мысли, даже сны.

«Что за ужасный сон?»

Наш подвал, грязный и зловонный, был весь в пыли. Пахло тухлятиной. Мы жили в подвале дома Адро, нашего тогда отца. Он был градодержцем Драграрда, но не мог выделить

нам даже немного земли. Но тогда это было неважно.

Я снова почувствовал ярую боль в затылке. Хотелось кого-нибудь убить, ведь когда я делал это, боль становилась таким приятным наслаждением, что я словно попадал в рай. Сдерживать её было нелегко, но я справлялся. В те моменты я научился сдерживать себя от лишних слов и криков, но на них сейчас я не мог бы выделить даже малейшего звука. Глотка болела зверски, к тому же я ещё только начал отходить от яда, так подло мне подсунутого. Сколько проблем всё-таки было от Френдина!

«Как же всё вокруг медленно...»

Обычно я думал так, смотря на что-либо окружавшее меня. Как птицы махали крыльями, разгоняя воздух вокруг, как падали ужасно маленькие камешки в песочных часах, как махали руками, ногами и всем, что движется и не движется рабочие на полях. Медленный ход времени никогда не оставлял меня (как и Юрмана и вообще всех ящеров, что теперь представляют из себя целый слой земли на Салазаре), но порой я замечал и изменения хода. Это случалось, когда я болел или выпивал слишком много. Время в эти моменты то ускорялось, то замедлялось в десятки раз (что уж там в типичные три!), благодаря чему я мог улавливать разницу и понимать, как же обычный ход времени ящера долог.

Необходимо также понимать, что слишком быстрый ты для окружающих мог представлять определённый дискомфорт, поэтому ещё и приходилось подстраиваться под мир

вокруг. Это иногда доходило до такой степени, что я просто засыпал. Но, говорят, в былое время, когда страна ящеров процветала, и мы держали всю Нору в своих когтях, никто из салазарцев не подстраивался под народ вокруг, а на переговорах наоборот хуранцы или беглы старались говорить и вести себя в три раза быстрее, что выглядело весьма забавно.

В любом случае, так подстраиваться я научился ещё в раннем детстве, поэтому я не особо страдал, хоть и делался из-за всего этого весьма никудышным ящером. Постоянная привычка думать, говорить и в целом вести себя медленно рассредоточивала бдительность и другие нужные для моей работы навыки.

Юрман копошился в своих вещах. Его дела меня не особо заботили.

Я вышел во двор. Горизонт закрывал высокий забор из бурого камня и досок бугшугов. Я помню, как сам вместе с парой отцовских крепостных тащил материалы для него из Кристального леса. Адро любил всё дикованное, поэтому в границах его земли можно было встретить деревья и кусты с самых разных уголков света. Однажды градодержцу из дальних краёв завезли салазарскую эрбу (прекрасную лозу, известную на всю Нору), но почва Драграрда, как и всех земель этой части Вилинера, оказалась неподходящей для растения, и оно увяло, заставив Адро понять, что он потерял весьма внушительную сумму денег.

В этот день ворота были открыты, поэтому на дороге из

этого дома Адро уже столпились надоедливые свингосвары. Мне тогда уже было ясно, что хозяева выпускают их только ради выручки за убитую скотину. В этом весь Драгрард.

«Пришли холода, – подумал я, чувствуя каждое прикосновение проплывающего ветра, – А одежды совсем нет... Где взять? Отцу до меня дела нет, денег почти нет. Пойти найти какого зверька, может? Скорее я стану зверьком без меха в лесу. А какой будет стыд идти сыну градодержца на базар за тулупом?.. Где там Юрман?»

А Юрмана уже и след простыл. Пришлось мне в тот день самому идти на базар за мехами. Пошатнуть честь мою и моего отца или сидеть без дела и стынуть от холодов в подвале? Я выбрал первое.

«Но где же взять деньги? – думал я, – Просить у отца? Ему бы это вряд ли пришлось по душе!»

В итоге решил взять у Адро задание. То был единственный способ выпросить у него денег. А в последнее время Юрман даже повадился сначала брать их и тратить, а потом делать обещанное. Так он влезал в долги перед градодержцем.

Я вышел за ворота и мне открылся вид на грязную улицу города. Она была в нём только одна и называлась именем Диниша Сирриля, бравого изгнанника местных племён ди-карей-карукатов из этой части Вилинера, включая Драгрард и Кристальный лес. Судя по состоянию улицы, мало кто знал, кому обязан землёй в городе.

Между тем с неба полило. Капли дождя светлели и переливались на Занаре, немного ослепляя того, кто решился бы сейчас посмотреть наверх. Чудная была пора. Капля – такое незначительное явление. Настолько незначительное, что про него даже странно говорить. Никто этого не делает. И это придаёт капле столь уникальное значение. Это и отличает каплю от куска мяса. Капля – столь искусное понятие, что о нём хочется говорить. Но говорить не с кем. Ведь все мы так глупы.

Прежде чем приставать к Адро, я решил зайти к Рэту в таверну позавтракать. Стоя у входной двери в «Прах каруката», я заметил, что в тот день настроение таверны весьма поубавилось. Не было слышно шума, который Норман так любил обрывать, входя в неё.

Я всё же вошёл и, не теряя времени, направился вперёд к стойке. По привычке я, как и всегда, сел на своё излюбленное место у стойки, откуда открывался хороший вид на происходящее в таверне. И только сейчас я смог заметить одну любопытную деталь – за стойкой по какой-то удивительной причине стоял не Рэт, а его помощник, Исиф, который обычно то убирался, то что-то стряпал на кухне, но никак не заменял хозяина забегаловки. Когда Рэт по каким-то причинам не мог стоять за стойкой, таверна всегда просто-напросто закрывалась.

Поэтому сейчас я и приходил в недоумение, но спросить о

волнующем меня вопросе Исифа не мог, так как у меня отрезали язык. В конечном счёте я просто окликнул того жёстом и понадеялся, что он поймёт очевидный вопрос и без пояснений.

Исиф, зная о том, что я не могу говорить, подошёл и задал мне такой вопрос:

– Вы что-то хотели, сэр-ящер?

И стал ждать ответа. Я, смутившись его действиями, показал жёстами, что я в данный момент не в состоянии сказать хоть что-то. Исиф, поняв о чём я, спохватился за голову и сказал следующее:

– Я прошу прощения за свой маленький ум, сэр-ящер! Больше такое не повторится, обещаю. Вы хотите спросить о Рэте, да?

Я одобрительно кивнул.

– Рэт ушёл и сказал, что теперь он будет жить южнее, сославшись на то, что ему надоела вечная непогода Драграрда. Рэт назначил новым хозяином таверны меня. Он выехал сегодня ранним утром. И ещё ему, вроде как, приснилось чего-то дурного. Мол, из-за сна решил уйти окончательно.

Я был, мягко скажем, разочарован. Рэт был моим каким-никаким, а всё же другом. Стало жаль, что он ушёл и даже не попрощался. Но у меня появились и некоторые подозрения касательно его ухода.

Позавтракав, я направился к Адро.

У градодержца в кабинете было тепло. В камине горело большое бревно. Адро сидел за столом и что-то писал. Простояв перед ним с пару минут, он наконец перевёл взгляд на меня.

– Да, Норман. Ты что-то хотел? – в его голосе прослеживалось заметное раздражение. Он ещё не забыл, как я лежал посреди улицы Диниша на глазах у всей челяди.

После, уже привыкнув к тому, что я не могу сказать ни слова, он выдал мне чернила и дощечку. С бумагой тогда был небольшой дефицит, поэтому приходилось писать на дощечке. Это, конечно же, не касалось градодержца, который только что выкинул сжатый листок с непонравившимся ему началом письма.

Я написал следующее слово: «задание».

– Зелёная птичка хочет озолотиться?

Я, не обратив внимание на отцовскую колкость, кивнул.

– Да, Норман, – отвечал градодержец, – ты и правда мог бы кое-что сделать. Это вообще здорово, что спустя такой долгий срок ты наконец снова можешь исполнять свою работу.

Я не стал возражать или соглашаться.

– За тремя поворотами налево от этого дома, в старой лачужке, как знаешь, живёт один земледелец...

Я сразу понял, о ком идёт речь.

– Да, тот самый у которого утонули в Саре жена с детьми. Дело в том, что он уже очень долго не платил налог. И люди его давно не видели. Проверь, что с ним. Если всё нормаль-

но, приведи его ко мне. Его, вроде бы, звали Ямин. Иди.

На самом деле его звали Ярим, но мог ли я возразить?

Но то было ещё не всё: у меня ещё осталось немного вопросов к градодержцу. Я взял табличку и на чистой стороне нацарапал: «сколько».

Адро, уже увлечшийся написанием письма, удивлённо посмотрел на меня:

– Сколько я заплачу?

Я ещё раз кивнул.

Отец немного подумал, после чего назвал цену:

– Семь десятков.

У меня не было никакого желания торговаться, поэтому я вновь кивнул и, взяв табличку в третий раз, написал: «сейчас».

На этот раз отец уделил мне больше внимания и, желая поскорее уже наконец избавиться от меня, ответил:

– Ладно.

И, достав откуда-то из-под стола монеты, протянул их мне. Но в моих планах был ещё последний вопрос.

– Х...хлыэт... – проговорил я с невыносимой болью в горле.

Настолько удивлённым отца я ещё никогда не видел.

– Рэт? – переспросил он, ожидая такой вопрос.

Кивать не было смысла.

– Да, твой торгаш ушёл из-за меня, если ты хочешь выпытать это из меня. Ему ещё повезло, что он не остался без

головы. Сам подумай, этот бес отравил пол города! Отравил сына градодержца! Я сделал то, что должен был сделать.

Поклонившись градодержцу, я вышел.

Я уже приближался к дому Ярима, когда увидел такое зрелище: Юрман пытался выпытать что-то у весьма сомнительного на первый взгляд типа. Причём, выпытывал он в буквальном смысле, по всем правилам городского беспорядка: прислонив типа к стене, крича на него и т.д. Неожиданно на Юрма налетел свингосвар, и мой брат, озверев вконец, убил черта. Я весьма удивился, что в моём брате оказывается есть столько злобы.

Тут же из дома напротив с криком выбежал хозяин свингосвара. На его лице сияла улыбка, хоть он и пытался скрыть её всеми силами.

Но оказалось, что денег у Юрмана не было вовсе. Брат, оглянувшись в поиске помощи, заметил меня, безобидно наблюдающего, прислонившись к стенке избы. Тип, из-за которого была вся шумиха, уже давно скрылся, а Юрман уговаривал хозяина свингосвара успокоиться. Затем они подошли ко мне.

– Норм, дай тридцать два саплинга. – сказал мне этот наглец, – Я верну, обещаю.

«Что за бездарь?»

Я соврал, показав один саплинг в пустых вывернутых карманах. Мог бы я тогда говорить, и не было бы там рядом того

свингосварщика, я бы устроил ему такую взбучку!

– И что мне делать, брат? – спросил меня Юрм.

Я повернулся, оставив его наедине с владельцем свингосвара.

«Раньше за убийство скотины нужно было платить тридцать саплингов. Почему он просил тридцать два? Либо бред, либо братец обнаглел».

Тем временем ноги уже привели меня к лачуге Ярима, дарка-земледельца (довольно странная совместимость, хочу сказать). Я подошёл к дому, что на первый взгляд казался совершенно обычным. Я постучался в дверь. Было тихо.

Я стучал ещё минут пять. Тишина. Я начал обходить дом, нашёл окно с разбитым стеклом.

«Где же ты, Ярим?»

Обойдя весь дом, я ничего не нашёл. Но был и чердак. Дверь заперта. Разбежался... И, выломав её, нашёл труп. Записок и знаков прощания не было.

«Может и не самоубийство».

Но в руке Ярима лежал нож, а в его грудной клетке была дыра. Было ощущение того, что её скорее прогрызли. Я не стал особо заморачиваться, и вынес труп на свет. Почти сразу наткнулся на лопату.

«Надо бы закопать его рядом с семьёй».

Семью Ярим закопал прямо под домом.

Я уже битые два часа сидел на пороге дома единственного ткача Драграрда, ожидая, когда он сошьёт мне тулуп. На базаре я купил нужные меха, не доверив это дело мастеру, так как он бы завернул за них ценник в два раза больше. Я не хотел ждать до следующего дня, и ткач назвал минимальный срок выполнения работы в три часа. Я уже передал Адро через его стражника результаты работы. Остальное меня не касалось.

Как вдруг из-за угла выбежал сам главный лакей градодержца, который своим величавым видом среди всего срама Драграрда, повергал всех в шок. Он оглянулся, заметил меня и тут же ринулся в мою сторону.

– Срочное послание от градодержца, минеер! – пролепетал он впопыхах, – Я, чтобы найти вас, уже, наверное, весь город обыскал!

Я вздохнул и, увидев в его руке свиток с официальной печатью Адро, протянул за ним руку. Лакей тут же швырнул мне свиток в лицо, поклонился, и скрылся за домом, откуда выбежал.

Я распечатал свиток и, любясь роскошной бумагой, прочёл следующее:

«До меня дошла твоя весть, Норман. Я, что полностью в моём праве, отдаю тебе лачугу Ярима. Живи, разрушь, брось – делай с ней всё, что хочешь. На сим прощаюсь.»

– Господин Норман, – вышел из дома ткач, – ваше одеяние сделано, я бы хотел получить обещанные пять десятков

саплингов.

Я протянул мастеру деньги и забрал меховой тулуп. Славная работа! Я тут же надел его, желая поскорее согреться. И, только я застегнул последнюю пуговицу, как с неба мне на чешую упала снежинка. Пошёл снег. Вечерний снег, что иногда бывает после дождя. Он падал сначала очень медленно, затем довольно быстро. Дороги постепенно становились белыми... Темнело. Становилось холоднее.

После того, как я забрал и перенёс мои немногочисленные вещи из старого подвала, где прожил всю жизнь, я встретил малого чехаря. Говорят, эти маленькие создания – потомки хунов, что бродят в лесах. Он жалобно смотрел на меня. Ему было холодно.

– Наёмник, отойди! – прокричал мне невежественный мясник, – Этот чехарь украл у меня кусок мяса! Дай мне убить тварь!

Я отрицательно покачал головой.

– Это твой чехарь, ящер?! Я требую от тебя возмещение за ущерб! Пять десятков, взбучка чехарю и извинения – мы квиты. Иначе...

Я дал мяснику полюбоваться моими когтями. Он, конечно, всё сразу понял и отстал. Но с чехарем надо было что-то делать. Он шёл за мной. Я не хотел его убивать.

Что мне было с ним делать? Я взял его с собой.

«Некоторые подбирают чехарей с улицы, – думал я, прокладывая через сугробы дорогу в дом Ярима, – Может, этот чехарь – мой?

Я посмотрел назад. Чехарь всё ещё шёл за мной.

«Stunkey, – всплыло в моей памяти, – Это означает «чехарь» на салазарском, моём родном языке... Тебя зовут Стунке?»

Чехарь кивнул. Быть может, мне показалось, но всё же...

Стунке зашёл в дом Ярима ещё раньше, чем я. Разбитое окно я давно заколотил досками. В печи горел огонь. Я дал чехарю воды и еды, каких у меня самого почти не осталось. Стунке принял трапезу, после чего улёгся под печью.

Я лёг на печь, закутавшись в новый тулуп, думая, что буду делать со Стунке. В голове прослеживалась мысль, что вчера мне приснилось что-то важное. Но сон уже навсегда забылся, а помнил я только ощущение ужасного страха, с каким проснулся.

Стунке пожил у меня ещё неделю. Ни хозяин, ни решение проблем с ним не нашлись. Я решил оставить чехаря у себя.

Глава вторая. Перемены

Объект

Весь город спал. Весь Вилинер был погружён во тьму. Ночь была спокойной, как всегда... По Кристальному лесу блуждали туда-сюда несколько кроводаров. Они срывали с деревьев ягоды, собирали травы для снадобий. Только они могли услышать свист, что так неожиданно навестил их в позднее время. Свист, а после и тихий звон в ушах. Вскоре на пару мгновений всю округу осветил до белизны огромный поток света. И только после всех этих шагов на многие километры от леса вокруг раздался оглушительный грохот, от которого пробудился даже сам Совладатель Вилинера, тихо спавший в далёком Вайне.

Стунке залаял. Норман резко поднялся с кровати и небрежно осмотрелся. За грохотом последовало абсолютное безмолвие. Утихли сверчки и завывания ветра за окном. В тот момент каждый ощутил на себе странное беспокойство. Казалось, что твой щит раскололся на части прямо во время боя, и к тебе, голому и безоружному, могло пробраться всё, что угодно. Молчание прервала волна лая чехарей и ворчания жителей Драграрда. Многие в спешке вышли из своих домов, чтобы успокоиться, узнав, что случилось что-то несущественное. Но они ничего не увидели и, затаив страх, вернулись по своим хижинам, чтобы проснуться ранним утром и начать работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.